

Галина Гончарова

ТАНГО С ПРИЗРАКОМ

ОРИЛЬЕРО
КАНЖЕНГЕ
МИЛОНГЕРО

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Разработка серийного оформления
Евгения Антофья

Иллюстрация на обложке
Бориса Аджиева

Гончарова, Галина Дмитриевна

Г65 Танго с призраком: Орильеро. Канженге. Милонгеро : сборник / Галина Гончарова. — Москва : Издательство АСТ, Издательский дом «Ленинград», 2023. — 960 с. — (Коллекция. Другие миры).

ISBN 978-5-17-154299-3

Некроманту всегда сложно устроиться в жизни. Природа его силы такова, что отгалкивает людей. Сила смерти. Сила Ла Муэрте.

А если некромант — молодая девушка? Сирота, которая вынуждена искать пристанище у своих родственников? Если у неё нет денег, только старое поместье и недобрая родовая слава? Если за ней тянется хвост из старых долгов? Рискнут ли родные приютить девушку? Чем для них это обернётся?

Танго со смертью. И по лезвию клинка придётся пройти каждому из них.

В танце жизни и страсти сталкиваются некроманты и священники, призраки, люди и чудовища, боги и демоны.

Маэстро! Музыка!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-154299-3

© Галина Гончарова, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ОРИЛБЕРО	5
КАНЖЕНГЕ.....	291
МИЛОНЕГРО.....	623

ОРИЛЬЕРО

*Ольге Анатольевне Л., которая так никогда
и не прочтет эту книгу. С любовью.*

Глава 1

— Калле Тарралонга, ритана, — таксист неодобрительно покосился на Антонию. И вовсе уж сухим тоном добавил: — С вас два реала.

Антония прикусила губу, чтобы не вздохнуть.

Два реала!

Дома она могла два дня жить на эти деньги... может, и больше. Если покупать продукты перед самым закрытием рынка. А здесь?

Одна поездка от вокзала на модном мобиле уже пробила брешь в ее кошельке. Но — никуда не денешься.

Тони достала небольшой кошелек, вышитый старой Долорес — на счастье, нашла в нем две серебряных монетки — и сунула таксисту.

Взгляд черных глаз мужчины стал еще неодобрительнее. Кажется, он рассчитывал на чаевые, но Антония просто не знала, сколько их давать. И давать ли? А вдруг она обидит этого мужчину?

Пока она колебалась, таксист решил все сам.

— Вы выходить будете, ритана?

Нет, за такое она чаевых точно давать не станет! Хоть дверь бы перед ней открыл!

— Благодарю вас, — сухо ответила девушка. И попробовала открыть дверь. Новомодный рычаг не поддавался, сначала она тянула не в ту сторону, потом недостаточно сильно... таксист наблюдал за этим представлением с откровенной ухмылкой.

Понаехали тут!

Тони уже откровенно вспыхнула и, видимо, на нервах, дернула за проклятый рычаг именно так, как надо.

Дверь щелкнула и открылась.

Тони вышла сама, вытащила чемодан с вещами — и такси, едва дождавшись, пока она хлопнет дверью что есть сил (а вдруг не закроется?), развернулось почти на месте, обдав ее вонючим дымом и больно хлестнув по ногам мелкими камушками из-под колес.

Антония медленно выдохнула.

Вдохнула.

Посмотрела на большой дом за массивной кованой оградой.

А потом решительно подошла к воротам.

Молоток? Нет... вот тут нечто новомодное. Кнопка. Антония поколебалась минуту — и надавила на нее. А потом еще раз — для верности.

Не было ни шума, ни звонка, ничего.

Но...

— Проходите, ритана.

Ворота медленно открылись.

Тони вздохнула, подхватила неудобный громоздкий чемодан, который так и норовил дать ей под колени острым углом (и углов у него было не меньше двенадцати... или все двадцать четыре?), и медленно побрела по дорожке, посыпанной таким же гравием, как и небольшая площадка перед воротами...

Дорожка оказалась ужасно длинной, и к ее концу Тони вся взмокла. Лучшее платье противно липло к спине и подмышкам, над верхней губой прямо-таки ощущались противные капельки пота, равно как и на лбу, и на щеках, а еще она ободрала нос туфли об особо выдающийся камушек. Почему-то это ее вконец расстроило, так что до дверей особняка она добралась в отвратительном настроении.

Там девушка и была встречена лакеем в темно-красной ливрее. Явно дорогой и сшитой лучше, чем ее платье. Увы...

— Прислуге надо было с черного входа, — попенял ей раззолоченный мальш. — Что ты — правил не знаешь? Новенькая? На кухню?

Это оказалось последней каплей.

Тони плюхнулась чемодан прямо на пол, сама почти упала на него сверху и разревелась.

Рядом громко и совершенно немелодично взвыл лакей, на чью ногу был поставлен чемодан. Да, очередным особо острым углом. И попробуй тут не взвуй! Девушка хоть и хрупкое существо, но вес у нее есть. Определенно.

Но разнести в пух и прах нахалку в дешевеньком платьице он не успел.

— Что здесь происходит?!

Лакей подскочил и вытянулся по стойке «смирно».

— Тан Аракон, простите! Это случайно! Это...

Тан Аракон?!

Дядя?!

Антония подскочила еще быстрее. Чемодан опрокинулся на лакея (вторым по счету острым углом), а девушка вытащила из кармана письмо.

— Тан Аракон, мое имя — Антония Даэлис Лассара.

Тан Аракон прищурился. Медленно взял письмо, чуточку влажное от пота и смятое от долгого лежания в кармане.

— Ритана Лассара?

Антония кивнула головой. Копна черных волос не выдержала, вырвалась из плена заколок — и буйным облаком разметалась по плечам.

— Мой отец... умер.

Носом она все же хлюпнула, не справилась с собой. Тан Аракон брезгливо поморщился. Но не ушел, просто стоял и разглядывал племянницу. Молчал.

Тони в ответ разглядывала его.

Дядя был очень сильно похож на отца.

ОЧЕНЬ сильно.

Те же черные прямые волосы, стянутые в недлинный хвост бархатной лентой.

Те же внимательные черные глаза, длинный крючковатый нос, высокий лоб, тяжелый подбородок. Смуглая кожа, широкие плечи, массивный торс, чуть-чуть коротковатые для такого тела ноги и длинноватые руки.

У отца было так же... только отец под конец жизни распустился. Кожу испещрили красные прожилки, лицо опухло и расплылось, глаза налились кровью...

Тони проглотила тяжелый комок в горле.

Она не будет думать об этом сейчас!

Не будет!

Хватит, и так себе уже реветь позволила. Теперь лицо опухнет, и пятна будут. Но уж очень все один к одному сложилось! Она тоже живой человек!

Но сейчас надо собраться. Ну, Тони?! Держись! От этого твоя жизнь зависит!!!

— Давно?

— Два месяца назад, тан.

— Хм... пройдите в гостиную, ритана. — Тан Аракон кивком указал направление, и сам отправился вслед за девушкой.

Чемодан Тони из вредности оставила в прихожей. Авось, не своруют! А если решатся... тогда и узнают, что такое заговор старой Долорес.

Гостиная повергла девушку в шок.

Единственное впечатление, которое было у девушки — БОГАТО!

Роскошные красные бархатные портьеры, золотая отделка темной дубовой мебели, бархат дивана и кресел, ковер, в котором ноги тонули по щиколотку... Тони, повинувшись кивку, опустилась в одно из кресел и застыла, чувствуя себя плевком на роскошной ткани.

Тан Аракон с достоинством опустился в соседнее кресло и вскрыл письмо.

Хм...

Братец!

Если ты читаешь это письмо, значит, я отправился к Даэлис. Наконец-то!

Жаль одного — Антония остается без родных и близких.

Присмотри за ней, пожалуйста. Она умненькая и хорошая девочка, она не доставит тебе хлопот.

Мое имя можно продать, наверное. Пусть полученные деньги будут ее приданым. Я надеялся сам устроить ее жизнь, но — не судьба.

Твой брат Даэрон.

P.S. Помнишь наш детский девиз? Не предавать и не бояться! Я иногда вспоминаю. Может, сложись все чуть-чуть иначе... а впрочем,

что мечтать о несбыточном? Не предавай, братец, и не бойся. А я за вами пригляжу.

К письму был приложен еще один лист.

Уважаемый тан Адан Мигель Аракон.

С прискорбием сообщаю вам, что шестнадцатого марта этого года ваш брат Даэрон Эктор Лассара скончался на руках своей дочери Антони Даэлис Лассара.

Причиной его смерти стал разрыв сердечной мышцы. Акт о смерти был составлен доктором Ассуна, подписан и заверен мной, а также градоправителем, таном Саллеро. Смерть его была совершенно естественной и ожидаемой.

Прилагаю к письму список имущества покойного, а также номера фонемов, по которым можно с нами связаться для уточнения дальнейших вопросов, касаемых наследства.

С уважением,
нотариус А. М. Авиель.

Список был невелик. Всего одно поместье Лассара.

Тан Аракон посмотрел на племянницу.

М-да.

Свалилось ему счастье на голову.

Вслух он, конечно, этого не сказал, но... но девушку разглядывал очень тщательно. И вынужден был признать — ни в мать, ни в отца она не пошла. Получилась этакая странная помесь.

Красивая?

Сложно сказать.

Волосы, как у Даэрона. Черные, глянцевые, вьются крупными кольцами. Только вот это дополняется кожей непонятного оттенка... загорелой? Или от природы такой? Желтоватой?

Пока не понять.

Лицо правильное, брови и ресницы черные, но глаза неприятно светлые. Не такие, как у Даэлис, у той глаза были цвета голубого серебра. У Антонии они намного светлее, почти прозрачные, белесые, неприятно смотрятся на смуглой коже. Губы тонкие, упрямо сжатые. Фигура вроде неплохая.

Платье?

Жуткое. Такое... в цветочек, у него в доме даже служанки носят нечто приличнее. Впрочем, это уж вовсе не его забота.

— Антония Даэлис.

Тони продолжала молчать.

— Не могу сказать, что рад твоему визиту, племянница. Ты в курсе нашей семейной истории?

Антония кивнула.

В курсе.

Отец в последние годы сильно пил, а напившись, разговаривал о чем угодно, только спроси. И о своей ссоре с семьей, и о свадьбе, и о матери... Тони слушала.

— Тогда ты понимаешь, что на радушный прием рассчитывать не стоит.

Антония кивнула еще раз.

Выгонят сейчас — или хотя бы переночевать дадут? Идти было откровенно некуда, разве что возвращаться в Лассара. Но там... м-да.

Туда было лучше не возвращаться.

Да и денег ей на обратную дорогу точно не хватит. Несколько десятков песет — ладно, может, на билет в дилижанс ей и хватит. Но не на поезд, это уж точно.

— На улицу я тебя, разумеется, не выгону.

— Благодарю, тан Аракон.

Мужчина поморщился.

— Можешь называть меня дядя Мигель.

— Благодарю, дядя Мигель.

— Но на многое не рассчитывай. У меня две дочери на выданье, и в первую очередь я буду думать о них.

— Да, дядя Мигель.

Тан Аракон довольно кивнул. Кажется, девчонка оказалась понятливой.

— Моя супруга с дочками отправились по магазинам. Когда они вернутся, я вас познакомлю. Наша семья не слишком богата, придание мы тебе выделить не сможем. Поэтому рассчитывать надо лишь на имение. Что ты знаешь о его рентабельности?

Антония знала.

Но стоит ли раскрывать все свои карты?

— К моему сожалению, дядя Мигель, я не способна к математике. Эти цифры такие сложные.

Мужчина даже не удивился.

— Да, женщинам бывает сложно спланировать свои расходы. Ладно, я свяжусь с нотариусом. Как его зовут?

— Александр Мария, дядя Мигель.

— Хорошо. Скоро должна вернуться моя супруга...

Мужчину прервали звонкие женские голоса, щебетавшие нечто очень содержательное.

Антония прислушалась.

Шляпка, ленты, отделка...

Есть хотелось — аж желудок судорогой сводило. Но кормить ее явно никто не собирался. А в чемодане есть несколько маисовых лепешек...

Желудок скрутило вовсе уж неприятно. Антония выпрямилась и крепко сжала кулаки. Потом медленно расслабила пальцы. Что-то ей подсказывало, что накормят ее не скоро...

- Папа, это ужасно!
- Это невыносимо!
- Девочки, спокойнее!

В гостиную одна за другой вторглись три женщины. В первую минуту у Антонии даже в глазах зарябило, но потом она кое-как собралась, сосредоточилась, и оказалось, что все не так страшно.

Первой в комнату влетела очаровательная девушка лет восемнадцати. Если ее что и портило, так это несколько жидковатые черные волосы. Но накладной шиньон успешно исправлял это маленькое недоразумение, а все остальное и так было выше всяких похвал.

И кремовая кожа, и большие карие глаза, и тонкие черты лица. Фигура тоже отвечала последним канонам красоты — высокая, тонкая, стройная. А уж про дорогое бледно-розовое платье и упоминать не стоило. Антония оценила и шелк, и кружево... м-да.

Если у дядюшки и есть проблемы с деньгами, или он это скрывает, или платье куплены с рук, или... это надо выяснить.

Вторая девушка была на год или два моложе. У нее и фигура еще не сформировалась, но Антония видела, что эта девушка, скорее, пошла в отца. И более крепкой и коренастой фигурой, и чертами лица — нет, не красавица. Может, еще и перелиняет, но пока — на троечку. Даже бледно-зеленое платье не скрывает ее огрехов. Но приданое — лучшее украшение девушки, не так ли?

Последней вплыла их мать.

Антония прикусила губу.

Даже сейчас она была красива. Черные волосы, карие бархатные глаза, улыбка...

Фигура, несмотря на двое родов, не расплылась, только налилась и обрела завершенность. Костюм цвета сливы облегал ее уверенно и элегантно. На черных волосах неведомым чудом держалась шляпка с пером. И брошь, которой было приколото это перо...

Да чтоб Антонии сквозь кресло провалиться, если это не аметист. С бриллиантами!

— Дорогая, — поднялся ей навстречу дядя Мигель.

— Михелито! — улыбка, протокольный поцелуй в щеку... Только вот Антония кожей почувствовала, как ее почти что просканировали. Просветили лучами от ушей до пяток, оценили старое платье, сбитые каблуки на туфлях, неухоженное лицо — и сделали выводы.

Весьма нелестные для девушки.

— Позволь тебе представить, дорогая. Наша племянница, Антония Даэлис Лассара.

Точеные брови тетки вздернулись вверх.

— Вот как? Девочки, выйдите вон.

— Мама?! — возмутилась старшая. Что ж, красавице явно многое позволялось.

— Папа? — с более вопросительной и менее скандальной интонацией уточнила вторая.

— Девочки. За дверь.

В голосе дамы лязгнул капкан, и девушки не решились протестовать. Первой выплыла младшая, потом прошествовала к двери старшая — и мягко прикрыла ее.

Несколько секунд в гостиной стояла тишина.

Потом дядя Мигель прошел к двери — и резко открыл ее.

— Ой!

— Папа!

— Юные ританы, если я увижу вас подслушивающими под дверью, о новых платьях в этом месяце можете забыть.

Угроза прозвучала достаточно веско.

Девушки надулись и удалились. В этот раз окончательно.

Тетка сверлила Антонию ледяным взглядом. Пауза затягивалась.

Девушка смотрела в пространство рассеянным взглядом и молчала.

А зачем говорить?

О чем говорить?

Вот спросят или попросят высказаться — тогда.

Молчание нависало над полем битвы, давило, требовало разрядки... первым, что и неудивительно, сдался дядя Мигель.

— Розалия, я понимаю, что ты не в восторге.

— Да, Михелито. Я не в восторге.

— Но мы не можем выгнать на улицу юную девушку, оставшуюся сиротой.

Розалия вздохнула. Вот здесь и сейчас красавицу она уже не напоминала. Скорее — жабу. Есть такие... остромордые.

— Мигелито, у нас две дочери на выданье.

— Да, Розалия.

— И нам важна их репутация.

— Несомненно.

— А если кто-то узнает... о той истории? Это бросит тень и на наших девочек. Они могут не сделать удачную партию. Ты знаешь, что Альба сегодня разговаривала с Сесаром-младшим?

— Сесар вернулся из Приграничья?

— Да. И семья срочно подыскивает ему невесту. Сам знаешь, после той истории с Аmandой...

— Об этом потом, Розалия. Такие новости не для девичьих ушей.

— Если твоя племянница еще девица, — поджала губы ритана Аракон. — В провинции нравы достаточно вольные...

— Антония? — посмотрел тар Аракон на девушку.

— Можете отвести меня к любому доктору по вашему выбору, — безразлично ответила Антония. Внешне безразлично. Только покажи, как тебя оскорбило и задело такое предположение — мигом вцепятся!

— Отведу, — гадюкой прошипела ритана.

— Вот и договорились, — подвел итог дядя Мигель. — Розалия, Антония останется у нас. Мы подумаем над устройством ее судьбы, безусловно, после того, как устроим девочек. Я понимаю, что тебе это не слишком приятно, но вести разносятся быстро. И если мы откажем Антонии в помощи, будем выглядеть намного хуже.

Ритана поджала губы. Но тут уж скрыть было нечем. Сплетни летают быстро, летают далеко... это кому-то кажется, что Лассара далеко. Ан, оглянуться не успеешь, как узнаешь о себе много нового и неприятного.

— Ты знаешь, как меня зовут?

— Отец рассказывал. Вы — Розалия Инесса Аракон, в девичество Мондиго, — отозвалась Антония.

— И обо всем остальном он тоже рассказывал?

— Да, ритана Аракон.

— Можешь на людях обращаться — тетушка Розалия, — надавил голосом Мигель. Женщина скривилась, но спорить не стала.

— Пусть так. Почему ты приехала к нам?

— Потому что другой родни у меня не осталось, ритана Аракон.

— И ты решила, что тебе здесь будут рады?

— Нет, ритана Аракон. Но в большом городе проще найти работу, проще устроить свою жизнь. В Лассаре я могу только умереть от голода и холода. Здесь у меня появляются перспективы.

— Хм...

Женщина смотрела на Антонию — и девушка ответила прямым взглядом. Глаза в глаза. Отлично зная, что ее взгляд вынести очень сложно.

Так и сейчас произошло — ритана отвела глаза — и тут же сморщила нос.

— Ты ужасно выглядишь, кошмарно одета, и надо полагать, собираешься поправить это за наш счет?

— Розалия, поместье можно продать, а деньги от него потратить на обустройство Антонии в жизни, — спокойно перебил ее дядя Мигель.

Антония промолчала.

Ей не хотелось продавать свое единственное достояние. Но — кто ее сейчас спросит?

— Сколько тебе лет, девушка?

— Восемнадцать.

— Перестарок. Моей Альбе семнадцать, но я уже подыскиваю ей супруга.

— Отец был слишком занят, чтобы заниматься устройством моей судьбы.

— Пил?

— Пытался воссоединиться с мамой, — не вытерпела Антония.

И была вознаграждена злым блеском в карих глазах. Что бы эта тетка ни говорила — она помнит. И ей до сих пор обидно.

Антония мысленно поблагодарила старую Долорес за науку.

— И ему это удалось.

— Да, ритана Аракон.

Женщина вздохнула.

Она бы с огромным удовольствием выпнула наглую девчонку на улицу. Но — нельзя. Репутация — это святое. Не бойся грешным быть, а бойся грешным слыть. Да и муж против...

— Хорошо. Я распоряжусь, тебя устроят в доме. Сегодня изволь принять ванну и отмыть всю грязь. Обед и ужин тебе подадут в комнату. Завтра мы съездим к врачу. Гардеробом займемся потом, если ты не соврала. Если соврала — выкину сразу. Я не потерплю разврата рядом с моими девочками. Это понятно?

Антония кивнула.

Кажется, продержалась?

Почти, почти.

— Да, ритана Аракон.

— Насчет работы — подумаем. Смотря, что ты умеешь. Возможно, это будет лучшим выходом из положения.

— Я...

— Потом расскажешь. Возможно, сейчас это преждевременно обсуждать.

Антония кивнула. Может, и преждевременно. Посмотрим...

В любом случае она отдохнет, искупается, выспится и поест. А в ее положении это очень много.

А еще...

Какое-то время она в безопасности. А вот что будет потом? Но пока все спокойно, надо хотя бы чуточку отдохнуть.

Комната, выделенная Тони, была не из роскошных. Скорее, комнатой для прислуги. Но девушка была не в претензии.

Комната была оклеена светлыми обоями, в ней стояли кровать, шкаф, комод, стол и стул. Более того, в ней была личная ванная.

Крохотная такая, поддон и душ. Развернуться негде. И вода текла прохладная, почти холодная, но Антония не обратила на это внимания.

Дома, если она хотела принять ванну, ей приходилось самой кипятить воду в больших кастрюлях, самой таскать ее по лестнице, равно, как и холодную, а чтобы наполнить старинную чугунную ванну, воды требовалось много.

И остывала она быстро. Не успеешь последнее ведро притащить, как уже прохладно. А тут вода сама течет! Замечательно!

Тони вымыла волосы и с огромным удовольствием вышла из ванной.

Позвольте!

Поднос-то с едой ей прислали! Но помимо того...

Тот самый лакей, который встретил ее в холле, стоял рядом с кроватью, на которую она водрузила свой боевой чемодан. И примерялся...

— Руки убрал! — рявкнула девушка, напрочь забывая, что вообще-то стоит в одной простыне на голое тело.

Лакей обернулся — и расплылся в улыбке.

— О, а ты ничего так, детка!

— Руки. Убрал, — мягко повторила Антония.

Когда она начинала говорить с такой интонацией, разбегались даже подручные мясника. Но лакея никто не предупредил, и он явно решил, что бессмертен.

— А то что? Сейчас я твой чемодан уберу, и мы с тобой повалеемся немного на кровати, правда? Ты же мне не откажешь?

Антония и сделать ничего не успела. Сам нарвался, идиот!

Лакей ухватился за чемодан, потянул... крышка распахнулась.

— Ой...

А больше он ничего толком и не сказал. Потому как шок.

Руки негодяя на глазах покрывались большими и весьма болезненными чирьями. Красными такими, воспаленными...

— А...

— Стой смирно, — рыкнула Антония. — И молчи, а то вообще не снимут. Запомни — еще раз подойдешь или прикоснешься, вообще необратимо бу-дет!

— А...

— А так через три дня пройдет. Я с тебя эту вину снимаю.

Чирьи чуток побледнели.

Лакей дернулся к двери, но тут уж начеку была Антония.

— Стоять!

Сказано было увесисто. Мужчина повиновался.

— Кто приказал?

— Никто. Я сам...

— Да неужели? А если чирьи верну?!

— НИКТО!!!

Тони прищурилась.

Вроде не врал. Ну да ладно, бес с ним!

— Пошел вон. И всем скажи — кто что стацит, с ними то же и будет.

М-да. Хорошо пошел, антилописто.

Антония посмотрела на дверь.

Замок, не засов, не щеколда.

Плохо. Щеколду заложил — и хоть весь дом сюда стучись. А от замка, выходит, у кого-то ключи есть. У кого-то?

Считай, у всех!

Ладно, авось и не полезут, побоятся. А щеколда... если ее оставят жить — и именно в этой комнате, она ее сама прикрутит.

А пока...

Антония переделась в свежее платье и принялась за еду.

Суп был густым и горячим, жаркое вкусным, а кусок пирога пропитан кремом. Девушка разве что тарелку не облизала. Потом улеглась на кровать и прикрыла глаза. Отдохнуть, хоть чуточку отдохнуть...